

**ПРОФЕССОР
В.И. Модестов
ВОСПОМИНАНИЯ,
ПИСЬМА**

ПРОФЕССОР

В. И. Модестов

ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА

▾ PRINCIPUM ▾

Москва 2014

УДК 94(47)“1865/1908”
ББК 63.3(0)+71.1+83.3
М74

Профессор В.И. Модестов.

М74 Воспоминания, письма. М.: Принципиум, 2014. 416 с. —
ISBN 978-5-906557-03-2

В книге представлены воспоминания и переписка одного из крупнейших российских ученых, выдающегося филолога, историка Древнего Рима, второй половины XIX — начала XX вв., просветителя, публициста и общественного деятеля (к мнению которого прислушивалось общество и оценок которого опасались власти). Его мысли и обобщения, выводы и оценки ситуации в России как никогда актуальны, они дают возможность беспристрастно взглянуть на наше настоящее, опираясь на бесценный опыт прошлого и предложить возможный вариант развития будущего.

Круг интересов ученого чрезвычайно широк — филология, лингвистика, литература история и современность — древние цивилизации и России, проблемы взаимоотношений русофилов и украинофилов, вопросы образования и перспективы развития педагогической системы. Книга будет интересна как специалистам, изучающим данные аспекты науки и политологии, так и широкому кругу читателей.

Мемуары и эпистолярное наследие В.И. Модестова дополнены воспоминаниями о нем крупнейшего просветителя — И.В. Цветаева.

Для широкого круга читателей.

УДК 94(47)“1865/1908”
ББК 63.3(0)+71.1+83.3

- © А.Е. Иванов, В.С. Шандра
(составители)
- © А.Е. Иванов, И. Любжин, В.С. Шандра
(комментарии)
- © А.И. Любжин, В.С. Шандра,
(именной указатель)
- © Оформление. ООО «Принципиум»

ISBN 978-5-906557-03-2

Содержание

Василий Иванович Модестов — ученый, просветитель, публицист (<i>От составителей</i>)	7
---	---

ВОСПОМИНАНИЯ

В Одессе (1865–1867)	19
В Казани и в Киеве (1867–1877) (Отрывок из воспоминаний)	42
В Киеве (1867–1877) (Отрывок из воспоминаний)	68
Заграничные воспоминания	101

СТАТЬИ И ЛЕКЦИИ

<i>Н.А.Добролюбов.</i> Вспоминая о личности и взгляд на писателя	183
<i>Н.М.Благовещенский.</i>	204
<i>В.Гр.Василевский</i>	222

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ В.И.МОДЕСТОВА

Письма	259
------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

Вступительная лекция по римской словесности, сказанная в университете святого Владимира ординарным профессором В.И.Модестовым 18 сентября 1869 г.	333
<i>В.И.Модестов</i> Будущее средней школы, классицизм и учителя.	345

И.В.Цветаев

Памяти профессора В.И.Модестова 357

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды В.И.Модестова по классической филологии. 371

Аннотированный указатель имен 375

Василий Иванович Модестов – ученый, просветитель, публицист

Имя Василия Ивановича Модестова – выдающегося ученого-филолога, историка Древнего Рима, заметного публициста по вопросам науки, просвещения, культуры, политики не только России, но и стран Европы, сегодня известно разве что специалистам. В какой-то степени заполнить этот пробел в современных знаниях о крупных деятелях культурного прошлого нашего Отечества и призвана эта книга.

На академическом небосводе В.И.Модестов, профессор Новороссийского (1865–1867; 1889–1893 гг.), Казанского (1867–1869 гг.), Киевского (1869–1880 гг.) университетов, а также Киевской (1871–1876 гг.) и Петербургской (1878–1880 гг.) духовных академий, был звездой первой величины. Об этом можно судить хотя бы по статье-некрологу такого выдающегося специалиста в области истории древности, каким является профессор И.В.Цветаев – основатель Музея изящных искусств имени императора Александра III (см. раздел «Приложения» данного издания). С ее страниц перед читателем предстает образ профессора-«классика» не только по принятой в академической среде терминологии, обозначавшей область его научных занятий – римскую словесность и историю, но классика в самом прямом смысле этого понятия, обозначающего вершинное положение в отечественной науке. Уже первое монографическое произведение, вышедшее из-под пера В.И.Модестова в 1864 г., – его магистерская диссертация «Тацит и его сочинения. Историко-литературное исследование» (СПб., 1864) – поставило автора в ряд лидеров российской латинистики.

Интересен В.И.Модестов и как незаурядная личность, человек своего времени с острым умом, пылкой душой, как ученый не только в узко-прикладном, научно-педагогическом смысле,

но и в широком общественно-культурном как просветитель. В этой последней ипостаси он представляется типичным шестидесятником. Прикоснувшийся к политическому радикализму в Санкт-Петербургском университете¹ как участник студенческого кружка, близкого к землевольцам, в зрелые годы В.И.Модестов вошел в круг либерально мыслящей части нового поколения российского ученого корпуса, вышедшего на академическую авансцену в эпоху «Великих реформ» в условиях действия самого либерального академического режима, определяемого статьями университетского устава 1863 г. Будучи далек от практической политики, поскольку он находил ее несовместимой с научно-педагогической деятельностью, ученый видел свою гражданскую миссию во всемерном споспешествовании просвещению российского общества, мучительно трудно менявшего свой феодально-крепостнический статус на общегражданский. Он полагал, что именно путь просвещенной эволюции приобщит Россию к европейским ценностям правового государства, духом которых сам он проникся во время своих долгих путешествий по странам Европы.

Рыцарь науки без страха и упрека, профессор Модестов безоглядно уповал на просветительское воздействие гуманистических идей греко-римского «классического мира», видя в нем «незаменимую модель для познания законов развития человеческих обществ»². Оружием публицистического таланта (см. раздел «Приложения» данного издания) В.И.Модестов защищал свою науку от пагубы толстовско-катковской педагогической доктрины, основанной на догматически грамматическом преподавании древних языков, сдобренном формальным филологическим комментарием фрагментов древнегреческих и древнеримских авторов, штудлируемых учениками³. Сверхзадача такого

---

¹ В Петербургском университете В.И.Модестов завершил высшее образование на историко-филологическом факультете, куда был переведен в 1860 г. по закрытии Главного педагогического института, проживший там три года.

² *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 200.

³ П.П.Блонский (гимназист 1893–1901 гг.) вспоминал: «Писатели (древнегреческие и древнеримские. — *А.И.*) для нас были “заданиями в 10–20 строк”, а “разбор” их сводился к определению грамматических форм... В результате — никакого представления о великих писателях». Первый свой перевод в университете мемуарист получил обратно от преподавателя “весь перечеркнутый как ошибочный”. (*Блонский П.* Мои воспоминания. М., 1971. С. 42).

преподавания имела охранительную подоплеку. По образному выражению П.Н.Милокова, снискавший всеобщую общественную ненависть гимназический классицизм «обеспечивал формальную гимнастику ума и политическую благонадежность»⁴.

Естественно, В.И.Модестов не был противником преподавания «классических языков» в средней школе, но выступал, по его же выражению, за «умеренный классицизм» как результат сокращения школьных программ по латыни и древнегреческому языку. Будучи теоретиком и практиком «исторического» метода исследования и преподавания античности, он бескомпромиссно изобличал педагогическую вредоносность «гнилого направления» формально-грамматической догматики их преподавания по предписаниям учебников германских профессоров Цумпта и Кюнера, являвшихся для подавляющего большинства русских филологов-латинистов непререкаемыми авторитетами.

Это вовсе не означало, что В.И.Модестов не видел «гигантских» успехов германской классической науки и школы. «Как бы ни были велики недостатки школьного преподавания в Германии, — писал он, — тамошнее преподавание и вообще школьное дело стоит неизмеримо выше нашего. Не говоря уже о том, что классическая школа в Германии имеет вполне национальный характер, что она там считает жизнь свою столетиями и ведется людьми, выросшими в национальных преданиях, она там обладает такими средствами во всем, что касается обилия искусных преподавателей, пособий, справочных книг и учебников, о каких мы и мечтать не можем в настоящее время»⁵.

Бескомпромиссная критика российского школьного «классицизма», бдительно опекаемого толстовским министерством просвещения, не прошла для В.И.Модестова даром. В 1880 г. ему, в то время профессору Петербургской духовной академии, по распоряжению Д.А.Толстого, обер-прокурора Св. Синода и министра народного просвещения, было рекомендовано под угрозой увольнения «без прошения» покинуть государствен-

⁴ Милоков П.Н. Воспоминания. Т. 1 (1895–1917). М., 1900. С. 76.

⁵ См.: Пять писем к редактору «Голоса». Письмо третье. Школьный вопрос // Пятнадцать статей. 2-е, доп. изд. СПб., 1880. С. 42. О немецкой школе см. также кн.: «О Германии. Наука, школа, парламент, люди, стремления». (СПб., 1888), особенно статьи «Наука и люди в германских университетах», «Темные стороны германских университетов», «Школьный вопрос в Германии», «Германская школа», а также «Статьи для публики по вопросам историческим, политическим, общественным, философским и проч.» (СПб., 1883. Т. 1), «Университетский вопрос» и «О средней школе и университете».

ную службу на двадцать первом году академической деятельности без пенсии по выслуге лет, без достаточных средств к достойному существованию. Поводом для репрессий послужила серия из пяти статей под заглавием «Школьный вопрос», опубликованных в сентябре-октябре 1879 г. в газете «Голос». Последующие девять с лишним лет он занимался литературным трудом, притом не только ради хлеба насущного. Для Модестова-просветителя публицистика всегда была средством общественного служения. В 1872 г. он писал своему коллеге и другу профессору А.Ф.Кистяковскому: «Я думаю, что мы обязаны служить отечеству всеми возможными способами... Какое-нибудь письмо, посланное в газету, о безобразии почтовых порядков тоже принесет пользу отечеству и есть услуга не только молодому, но и старому поколению. Какая-нибудь статья в журнале, или брошюрка об интересах, волнующих разные европейские народы, статья или брошюрка, написанная в защиту здравых идей, безбожно попираемых бесчувственной и своекорыстной толпой, есть также служба своему отечеству. Я думаю, нам нечего отговариваться тем, что это де не наше дело, что де мы обязаны глаголить об истинах уголовного права или латинского языка и т.п.»⁶.

Этому просветительскому принципу В.И.Модестов следовал на протяжении всей жизни. Профессор А.Н.Деревицкий писал о нем: «И как профессор, и как публицист, Модестов, при разнородности и широте сведений, отличается даром живого изложения, делающего не только политические и публицистические статьи, но и чисто ученые его работы доступными широкому кругу читателей. Не изменяя избранной им специальности, Модестов всегда относился с большой отзывчивостью и к явлениям современной действительности и написал ряд книг и статей, в которых отразились многие стороны европейской жизни за последнюю четверть нашего столетия»⁷.

В годы отрешения от профессуры Модестовым были написаны и мемуары, которые составляют первую часть этого сборника, составленную доктором исторических наук А.Е.Ивановым. Мемуары создавались в 1883–1885 гг. и публиковались в журнале «Исторический вестник» — в разгар и, несомненно, под впечатлением университетской контрреформы, мрачный пафос кото-

---

⁶ См. раздел «Из эпистолярного наследия В.И.Модестова» в данном издании.

⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1896. Т. 19а. Стб. 585.

рой заключался в планомерном уничтожении университетской автономии, декларированной уставом императорских университетов 1863 г., пусть ущербной, окороченной, но дававшей профессорским коллегиям известную академическую самостоятельность. Само изгнание в 1880 г. профессора Модестова из сферы высшего образования было одним из предвестников беды, нависшей над российскими университетами и, в конечном счете, сокрушившей одну из «великих реформ» — университетскую. Мемуарист относился к той категории профессуры, для которой принцип независимости науки и преподавания, процесса пополнения профессорского корпуса от бюрократически-охранительного усмотрения администрации был священным. Для него этот принцип являлся основой не только процветания отечественного просвещения, но и укоренения на российской политической почве осознания обществом необходимости «гражданских благ, без которых невозможно представить в настоящее время жизнь западных народов».

Мемуары В.И. Модестова не являются целостным жизнеописанием, как большинство литературных произведений этого жанра. Они состоят из шести очерков, три из коих посвящены исключительно внутренней жизни тех университетов, где мемуаристу довелось профессорствовать. И в этом их главная познавательная значимость для специалистов по истории университетов и науки, да и отечественной культуры в целом. Они вынашивались годами, о чем свидетельствуют публикуемые письма Модестова к своим коллегам в 1870-е — 1880-е гг. прошлого столетия, содержание которых органично дополняет написанное в воспоминаниях о событиях минувших, притом не только дополняет, но и усугубляет и без того беспощадную откровенность, с которой живописуются неприглядные нравы, утвердившиеся в недрах профессорских коллегий университетов Одессы, в особенности Киева, в меньшей степени Казани. В 1860-х — 1870-х гг. там возобладали поощряемое администрацией групповое противостояние, карьерный эгоцентризм. В этой обстановке меркли интересы науки, просвещения студенчества.

Из содержания мемуарных очерков явствует: часть университетской профессуры, воспитанной в режиме охранительных окоротов идеологически замороженной Николаевской эпохи, не была готова к восприятию непреходящей ценности идеологии академических свобод, столь плодотворной там, «где тебя не беспокоят никакие полицейские придирки, где кругом видишь граждан, думающих и действующих без малей-

шего опасения, одним словом — граждан свободного государства» (слова Модестова о европейских государствах и европейскихцах). Полицейско-охранительная система самодержавия искорежила души этих представителей ученого сословия, превратив последних в своекорыстных, рептильных чиновников. Непрерывающаяся свара внутри профессорского сообщества сопровождалась попранием постулатов университетского устава 1863 г., а это тотчас отзывалось произволом учебной администрации. Особенно отличался Киевский университет, который, по мнению В.И.Модестова, «более чем всякий другой университет, проложил дорогу к уничтожению устава 1863 г.». Потому-то так легко правительство Александра III осуществило «академический переворот», введя в действие устав 1884 г., лишивший профессорские коллегии и тени самостоятельности. В сущности, мемуарные очерки, касающиеся академической проблематики — обличительный документ, автор которого обвинял своих коллег в недалновидном эгоцентризме, ставшем одной из причин контрреформенной катастрофы российских университетов 80-х годов XIX в.

Что касается очерков о вояжах В.И.Модестова по Германии, Франции и Италии, то они написаны в виде путевых зарисовок и интересны в первую очередь описанием и оценками деятельности научных центров классической филологии и наиболее заметных персон среди европейских ученых. Пожалуй, особенно основательно этот сюжет представлен в очерке, посвященном Германии, что неудивительно. Ведь университеты этой страны, такие, как Берлинский, Боннский, Гейдельбергский, были мировыми лидерами в исследовании классической литературы и истории. Их школу прошли первые российские профессора-«классики», включая и самого мемуариста. В.И.Модестов был человеком весьма проницательным. Он живо интересовался культурной, политической, экономической жизнью стран пребывания, бытом, нравами их населения. Его страноведческие портреты многокрасочны, сочны по форме описания, детальны, емки по содержанию, по тону, сочувственны к свидетельствам общественного и культурного прогресса.

В сборник также вошли расположенные в хронологическом порядке очерки-воспитания В.И.Модестова об учителе — Н.М.Благовещенском и товарищах по Главному педагогическому институту в Петербурге — В.Г.Васильевском и Н.М.Добролюбове.

Мемуары В.И.Модестова публикуются по следующим издани-

ям: Отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1884. Т. 18. № 11. С. 282–300. (Частично очерк был переиздан в книге А.И.Маркевича «5-летие Императорского Новороссийского университета». Одесса, 1890. С. 494–498.); В Казани и в Киеве // Исторический вестник. 1885. Т. 22. № 11. С. 321–343; № 12. С. 588–617; Заграничные воспоминания // Исторический вестник. 1883. Т. 11. № 2. С. 384–406; № 3. С. 575–600; Т. 12. № 4. С. 103–124 (первый очерк «Из заграничных воспоминаний» был перепечатан в кн. «О Германии. Наука, школа, парламент, люди, стремления. Статьи проф. В.И.Модестова. СПб., 1888. С. 1–26); Н.А.Добролюбов. Воспоминания о личности и взгляд на писателя // Новь. СПб.; М., 1885. Т. VIII. С. 231–241. Отрывок из воспоминаний был напечатан в кн.: «Н.А.Добролюбов в воспоминаниях современников» (М., 1986. С. 254–258.); Н.М.Благовещенский // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1892. Т. V. Отд. II. С. 1–16; В.Гр.Васильевский. Время высшего образования и приготовления к кафедре // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 339. № 1. Январь. С. 134–168.

Комментарии к воспоминаниям составлены А.Е.Ивановым (9–16, 18–31, 36, 38, 43, 47, 50, 53, 57, 77, 90) и А.И.Любжиным (11, 41–42, 48–49, 55–56, 59, 61, 68–71, 74–76, 79–86, 92, 95, 97–99, 102, 104). Некоторые неточности, замеченные в тексте воспоминаний, исправлены в примечаниях и в именном указателе.

* * *

Вторую часть сборника составляют письма В.И.Модестова за 1868–1897 гг. к своим бывшим коллегам из Киевского университета (А.Ф.Кистяковскому, В.С.Иконникову, И.В.Лучицкому). Их сорок четыре. Они выявлены в фондах Института рукописей Центральной научной библиотеки НАН Украины им. В.И.Вернадского доктором исторических наук В.С.Шандрой, ею же подготовлены к печати и прокомментированы. Эпистолярная дополняет мемуары Модестова многими подробностями научно-педагогической, общественно-культурной, публицистической деятельности мемуариста. В письмах освещается петербургский период его жизни, не отраженный в мемуарах.

В.И.Модестов принадлежит к тому поколению русской академической интеллигенции, для которого переписка с близкими, друзьями, коллегами составляла неотъемлемую часть жизни и культуры общения. Будучи в Киеве в 1869–1874 гг., ученый

близко сошелся с несколькими людьми. С ними после переезда в Петербург он поддерживал многолетние эпистолярные связи, уже лично не встречаясь со своими адресатами.

Профессиональной перепиской с киевлянами он очень дорожил, о чем свидетельствует анализ писем к нему А.Ф.Кистяковского. В статье-некрологе о своем коллеге Василий Иванович назвал основные проблемы русского и украинского общественного движения, которые они обсуждали посредством переписки⁸. Часть его эпистолярного наследия отложилась в архивохранилищах Киева, из которых самое богатое — в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского. Здесь хранятся рукописные фонды А.Ф.Кистяковского (Ф. 60), В.С.Иконникова (Ф. 46), И.В.Лучицкого (Ф. 66) и других украинских ученых и общественных деятелей, с которыми В. И. Модестов был связан узами дружбы и сотрудничества. Эти фонды, кроме текстов научных рукописей, состоят из писем, полученных от корреспондентов фондообразователей, включая и В.И.Модестова. 52 письма последнего были адресованы профессору А.Ф.Кистяковскому, начиная с 4 декабря 1868 по 17 августа 1883 г. из Казани, Гейдельберга, Берлина, Одессы, Киева, Вены, Петербурга, Парижа. Сохранилось 12 писем В.И.Модестова к профессору В.С.Иконникову с 21 июля 1870 г. по 23 мая 1873 г. из Мюнхена, Женевы, Парижа и Берлина. Видному историку и общественному деятелю И.В.Лучицкому В.И.Модестовым было направлено 9 писем из Петербурга в 1876–1885 гг. Два письма адресованы супруге последнего Марии Викторовне Лучицкой (1894 и 1897 гг.).

Критерием отбора писем для публикации в этом издании служила их насыщенность фактами, имевшими отношение к мемуарному повествованию В.И.Модестова. Непубликуемые письма использовались также в комментариях. Помещая рядом мемуары и письма, составители преследовали цель более выразительно представить эволюцию профессиональных и общественно-политических взглядов ученого-«классика», что позволяет, кстати, значительно глубже оценить их источниковедческие возможности.

Письма В.И.Модестова полны эмоционального настроения, они ближе по времени, чем воспоминания, «синхронно» сле-

---

⁸ *Модестов В.И.* Личность покойного А.Ф.Кистяковского (несколько данных для его характеристики) // *Новь.* 1885. Т. 11. № 8. С. 634–641.

дуют за описываемыми событиями, а потому более точны в их передаче. Написаны они малоразборчивым почерком; это свидетельствует о том, что писались они сразу и отсылались адресатам без переписки на чистовик. Физически они сохранились хорошо, некоторые — с конвертами.

Европейские письма имеют двойную датировку по новому (григорианскому) и старому (юлианскому) стилю. Они написаны на стандартной бумаге, предназначенной для корреспонденции (13,5 × 21), которая покупалась в тех странах, откуда их отправляли.

Письма В.И.Модестова публикуются в хронологическом порядке, что ближе научному освещению его биографии, отображению его душевных состояний и переживаний в тот или иной период жизни.

При воспроизведении текста писем В.С.Шандра пользовалась апробированным археографическим методом, сохраняя все их стилистические особенности, в том числе пунктуацию, эпистолярные элементы, свойственные XIX в., отображая только их текст в современной русской орфографии. Все письма публикуются полностью, без пропусков и купюр, с указанием места и времени суток их написания, как в оригинале. Пропущенные в некоторых случаях из-за поспешности отправления слова вставлены в квадратные скобки, некоторые, при сомнении в правильности их реконструкции, отмечены вопросительным знаком с оговоркой в примечаниях. Неразборчивые непочитанные слова и наращенные сокращения отмечены такими же скобками. Сохранены разночтения в географических названиях и фамилиях. В легендах отмечено место хранения с указанием их аутентичности. Все они являются оригиналами и принадлежат руке В.И.Модестова. В заглавия вынесены дата написания и адресат. Комментарии составлены В.С.Шандрой; они имеют в виду только объяснение описываемых событий, без оценок и авторских суждений.

Приложения к основной части сборника имеют целью дополнить портрет ученого весьма существенными деталями. Представление о В.И.Модестове как блистательном педагогическом ораторе дает «Вступительная лекция по римской словесности», произнесенная в Университете св. Владимира ординарным профессором В.И.Модестовым 18 сентября 1869 года». Она получила широкий, более чем благожелательный отклик в ученой среде. В статье «Будущее средней школы, классицизм и учителя» (Толос. 2 августа 1880. № 212) точно изложены воззрения автора

на вопросы преподавания древних языков в классических гимназиях. Наконец, некролог И.В.Цветаева «Памяти профессора В.И.Модестова» (М., 1908) – обстоятельный историографический очерк научно-педагогического творчества мемуариста.

Общий аннотированный указатель имен составлен В.С.Шандрой и А.И.Любжиным для всех публикуемых текстов, в том числе и комментария. В нем отображены разночтения в написании фамилий. Одновременно он выполняет и функцию персоналогических примечаний.

Составители выражают глубокую признательность директору издательства «Греко-латинский кабинет» Ю.А.Шичалину за финансовую и техническую поддержку при подготовке к печати нашего сборника, которая осуществлялась в тяжелые для людей науки 1990-е гг.

От составителей.

ВОСПОМИНАНИЯ

В Одессе (1865–1867)

Отрывок из воспоминаний

*Поездка в Одессу к открытию Новороссийского университета. •
Пути, по которым можно было ехать на юг России в то время. •
Путь на Варшаву, Краков, Львов, Черновицы и Бессарабию,
и дорожные впечатления. • Открытие университета. •
Состав профессоров. • Смертность среди них
и скорый выезд некоторых из них. • В.И. Григорович
и Н.Н. Соколов, главные представители нового
университета. Лицейский элемент в университете. •
Три диспута. • Цель воспоминаний.*

Открытие Новороссийского университета в Одессе было назначено 1-го мая 1865 года. Целый ряд ординарных и экстраординарных профессоров и доцентов⁹ (это была в то время еще новая должность) назначен был министром народного просвещения для занятия кафедр в новом университете. Некоторый контингент преподавателей составили лица, занимавшие до того времени кафедры в только что упраздненном тогда Ришельевском лицее¹⁰; но главные и наиболее многочисленные

---

⁹ По Уставу императорских университетов 1863 г. штатные должности доцента, экстраординарного и ординарного профессоров были непререкаемыми ступенями академической карьеры. Для получения доцентуры требовалась ученая степень магистра. Профессура независимо от ее ранга (экстраординарная и ординарная) должна была предоставляться лишь соискателю с докторской степенью. Однако это последнее правило вынужденно нарушалось. Впервые с введением в 1884 г. нового университетского устава, дабы не потерять опытных, перспективных педагогов в связи с упразднением института доцентуры, заменяемого внештатной приват-доцентурой, всех доцентов временно перевели на должность экстраординарных профессоров с условием скорейшего обретения докторского достоинства. Недостаток докторов наук для университетских коллегий был «вечной» проблемой. Циркуляром от 15 марта 1902 г. до администрации университетов было доведено «высочайшее повеление» о разрешении временного замещения профессорских вакансий магистрами, но с непререкаемым их обязательством в течение трех лет после назначения приобрести ученую степень доктора наук. Далеко не все из новоиспеченных экстраординарных профессоров по истечении заповедного срока выполняли взятое на себя обязательство. (Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. — 1917 г. М., 1994. С. 59–60).

¹⁰ Ришельевский лицей основан в 1817 г. по инициативе управляю-

силы притекли в новый рассадник высшего просвещения извне. Их дал более всего Петербург; чего в нем не доставало, добавили другие университетские города: Москва, Харьков, Казань и Киев. Было назначено несколько отставных профессоров, из которых некоторые проживали за границей. В числе лиц, отправившихся в Одессу из Петербурга, был и я, только что получивший тогда степень и диплом магистра «Римской словесности».

В то время, т.е. около двадцати лет назад, звание профессора и вообще университетского преподавателя считалось еще очень почетным. Кроме того, университеты только что получили новый устав, давший им самоуправление и значительно увеличивший как учебные средства заведения, так и содержание преподавателей¹¹. Общее настроение в них было бодрым,

---

щего Новороссийским краем дюка де Ришелье, сделавшего к тому же на этот предмет крупные финансовые пожертвования. Первоначально действовал как среднее учебное заведение повышенного типа. Состоял из отделений: подготовительного — для детей 8–10 лет; литературного — для подростков 10–16 лет; высших наук — для юношей 16–18 лет. В учебную программу Лицея входили следующие предметы: Закон Божий, русский, латинский, греческий, французский, итальянский и немецкий языки, словесность, риторика, география, история, философия, математика, физика, военные науки, «приятные искусства». Воспитанники Лицея поступали на гражданскую службу с чином XII класса, а также офицерами в армию (после трехмесячной службы «нижними чинами»).

В 1837 г. Ришельевский лицей был преобразован в учебное заведение высшего типа с физико-математическим и юридическим, а с 1842 г. — еще и камеральным (для изучения административного и хозяйственного права) трех-годичными отделениями. Общими для студентов всех отделений были: философия, российская словесность, всеобщая и русская история, статистика. В 1865 г. Лицей был преобразован в Новороссийский университет с историко-филологическим, физико-математическим и юридическим факультетами. (См.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 141–142, 268, 428).

¹¹ Имеется в виду университетский устав 1863 г. Им декларировалась автономия университетов: выборность ректора, профессоров и преподавателей, подчинение всех органов управления Совету профессоров. Руководство хозяйственной жизнью университета передавалось коллегияльному органу — правлению из деканов факультетов, проректора и инспектора студентов. Дела о нарушении студентами правил внутреннего распорядка разбирались профессорским дисциплинарным судом. Впервые было провозглашено право членов профессорских коллегий создавать студенческие научные общества. Внутренние правила учебной, административной и дисциплинарной жизни устанавливались самими университетами соответственно местным условиям. Однако это

и ярко сияла надежда, что при новых штатах, поднявших библиотеки, кабинеты и лаборатории, и ввиду новых ученых сил, тогда в значительном числе возвращавшихся из-за границы, высшему русскому образованию предстоит хорошее будущее. Надежда эта вполне разделялась и нами, тогда начинавшими свое учение поприще по возвращении из заграничной командировки, и поэтому я отправился на службу в новый университет очень охотно. Южное положение Одессы, теплый климат, море, историческая почва берега Понта Эвксинского — все это только усиливало в моих глазах привлекательность нового университета. Я всегда любил Петербург и с трудом представлял себе возможность для человека, знакомого с удобствами европейского города, жить в России вне столицы нашего государства; однако этот раз я покидал Петербург без сожаления.

Но, девятнадцать лет тому назад, совершать путешествие от Балтийского моря к Черному было дело очень нелегкое. В то время наиболее комфортабельным путем из Петербурга в Одессу был путь через Варшаву и Вену до Базиаша (в Венгрии) по железной дороге, от Базиаша на австрийском пароходе по Дунаю до Галаца, откуда уже на пароходе русского общества парокходства и торговли по Черному морю до Одессы. Путь этот, хотя был длинен и дорог, но им пользовались многие, тем более что он не был продолжительнее чисто русских путей, хотя бы самых коротких. В каких-нибудь 10 дней по нему наверняка можно было добраться до места. Его некоторые из профессоров и взяли. Русские же собственно пути были следующие: самый длинный, но казавшийся наиболее удобным, был из Нижнего по Волге до Царицына, затем по железной дороге до Калача, оттуда по Дону, по Азовскому морю и, наконец, по Черному. Он требовал из Петербурга до Одессы двух недель непрерывной езды: им никто не поехал. Самым обыкновенным путем был путь по Варшавской железной дороге до Острова, оттуда в дилижансе

право всемерно ограничивалось указаниями Министерства народного просвещения.

Уставом 1884 г. вышеперечисленные правовые академические прерогативы университетских профессорских коллегий были упразднены. Как и прочие «присутственные места» империи, университеты стали единолично управляться «высочайше» назначенными начальниками — ректорами. Последние действовали под жестким бюрократическим контролем Министерства народного просвещения, осуществляемым на местах попечителями учебных округов. (См.: *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976.)

до Киева, из Киева на пароходе по Днепру до Екатеринослава, из Екатеринослава в дилижансе до Никополя, из Никополя на пароходе опять по Днепру, с остановкой в Херсоне, и, наконец, по Черному морю. Он требовал не менее 9 дней непрерывного движения и был утомителен. Тем не менее, им отправились те, которые желали избегнуть езды на перекладных, что было неизбежно при пути на Москву, где кончалась железная дорога, Харьков и Кременчуг. Я нашел, что самый скорый и менее других дорогой путь — заграничный, но только не по Дунаю и Черному морю, а через Галицию и Буковину, и затем через Бессарабию, и поехал на Варшаву, Краков, Львов, Черновицы, Новоселицу и Кишинев. Железная дорога шла непрерывно до Львова, оттуда ходил дилижанс до Черновиц, из Черновиц езда совершалась в еврейском экипаже до русской границы (Новоселицы), а от русской границы, на расстоянии 30 верст слишком, на перекладных. Говорю об этих способах передвижения с севера [на] юг России для того, чтобы дать тем некоторую характеристическую черту нашему недавнему прошлому. Когда сравнишь нашу нынешнюю, хотя тоже небогатую материальную культуру, с той, какую мы наслаждались менее чем два десятка лет тому назад, то все-таки прогресс в нашей жизни является несомненным. А это большое утешение.

Путь, взятый мною при отправлении в Одессу, был тем хорош, что давал мне случай хоть немного познакомиться с двумя интересными городами — Варшавой и Львовом, в которых до тех пор мне бывать не приходилось. Варшава в то время состояла еще на военном положении, вызванном восстанием 1863 года¹². Понятно, что общественной жизни в ней было не много и познакомиться с ней, хотя сколько-нибудь, не было возможности уже и потому, что по случаю последовавшей 12-го апреля (1865) смерти наследника Российского престола, Николая Александровича¹³, все общественные увеселения прекратились, и приезжему русскому деваться было решительно некуда. К стеснительным условиям пребывания там присоединилось еще то, что вечером обязательно было выходить из дому не иначе, как с зажженным фонарем. Если местные жители к этой необ-

---

¹² Речь идет о всенародном польском вооруженном восстании 1863–1864 гг. под лозунгом освобождения Царства Польского от владычества Российской империи.

¹³ Николай Александрович — старший сын императора Александра II, наследник-цесаревич, великий князь. Скончался в Ницце 11 апреля 1865 г. на 22 году жизни от туберкулезного менингита.

ходимости уже попривыкли, то приедем, не говоря о совершенно лишнем расходе на фонарь, это было совсем не по вкусу. Волей-неволей я должен был купить фонарь; зажег в нем свечку и пошел по улице, но такое путешествие мне скоро показалось до того стеснительным, что через четверть часа я воротился в свою гостиницу, из которой предпочел не выходить и на следующий вечер. Познакомившись с внешним видом города, с некоторыми церквями и с Лазенками, я отправился на третий день дальше с впечатлениями, не особенно радостными. Ничего подобного ни раньше, ни после, ни в своем государстве, ни за границей мне не приходилось испытывать; жалко было поляков, доведших себя до такого сурового с ними обращения; не весело было смотреть и на русских, принужденных удерживать беспокойный народ железною рукою в покорности.

Как Варшава мне показалась городом с почти совершенно замершею жизнью, так Краков, в который я приехал вечером и остался только переночевать, был полон движения. Кофейни были битком набиты народом и переполнены газетами. Бойкая жизнь, шумный говор приятно поразили меня после Варшавы в этом старопольском городе, мрачном и тесном снаружи, каким он мне тогда казался. Но дни моего путешествия были рассчитаны, мне хотелось пробыть несколько дней во Львове и познакомиться с положением тамошних русских или русинов¹⁴, как они там называются, и потому, оставив знакомство с Краковом до другого раза, я на другой же день поспешил во Львов, куда у меня были письма и посылки из Петербурга.

Восточная Галиция и в частности Львов, ее столица, вся эта исконная русская земля, в то время чрезвычайно редко была посещаемая русскими учеными и писателями, и потому тогдашнее положение ее русского населения было почти совсем неизвестно нашему образованному обществу. О положении этом, тяжком, убогом и забитом, я тогда же написал несколько строк в «С.-Петербургские ведомости», издававшиеся В.Ф.Коршем, и затем недавно говорил о нем в одном журнале, в статье, написанной по поводу известного Львовского процесса (см. мою книгу «Статьи для публики» I. стр. 167–188)¹⁵. Поэтому я не стану здесь распро-

¹⁴ Русины или карпаторуссы (латинизированная форма — «руте-ны») — самоназвание гуцулов — украинского населения Буковины, Галиции и Прикарпатской Руси (Русь Прикарпатская), входивших в состав Австро-Венгрии.

¹⁵ *Модестов В.И.* Статьи для публики по вопросам историческим, политическим, общественным, философским и прочим. СПб., 1883.

страняться о своих впечатлениях, вынесенных мною из города Льва и Даниила Галицких. Скажу только, что я был принят представителями тамошнего русского общества с большим радушием. Им так было не в привычку видеть в стенах своих русского ученого, заинтересовавшегося их судьбою, что во все время моего короткого пребывания там я буквально не оставался один ни на минуту. Со слезами на глазах некоторые из них рассказывали мне про свое горькое житье-бытье, про свое положение, поистине тяжкое, безысходное. Львовский процесс 1882 года показал всему миру, на какую жалкую жизнь обречены среди смертельно враждебного им польского общества эти пасынки Австрийской империи даже в настоящие дни, когда все другие народы монархии Габсбургов так гордо подняли свои головы, требуя политической и административной автономии, уважения своей народности, своего языка, полной свободы своего национального развития. Что же было с ними тогда, двадцать лет назад, когда, несмотря на конституционную попытку, следовавшую за несчастной для Австрии итальянской кампанией¹⁶, во всей стране царил еще полный абсолютизм, и когда для загнанного и практически бесправного населения не было защиты ни в гласном суде с присяжными, тогда еще не введенном в Австрии, ни в своих представителях в общем парламенте, как это было при недавнем обвинении в государственной измене Добрянского, Наумовича, Маркова, Площанского и проч.? Несчастливые люди, за которыми польское общество и подчинявшаяся ему администрация не хотели признавать даже права называть себя русскими, писать российскою гражданскою азбукой, читать издаваемые в России книги, горько жаловались мне на нашу великую страну, как им казалось, забывшую о существовании трех миллионов душ однокровного народа, оторванного историей от общей родины и не видящего исхода своему невыносимому положению вне нового соединения с этой общей родиной. «Обратите нас хоть в крепостное состояние, но только вырвите нас из ногтей поляков», — говорил мне, сквозь слезы, один из патриотов, по-видимому, особенно чувствовавший горечь приниженного состояния своего народа, отданного на жертву врагов его. Я старался утешать добрых людей, видевших мое превосходство над собой уже в том, что я не знаю польского языка и не имею нужды говорить по-польски, без чего им нельзя

---

¹⁶ Имеется в виду объединение прежде находившихся под властью Австрии Севера и Юга Италии под скипетром сардинской монархии в лице короля Эммануила II.

сделать шага, я старался утешать их, как мог, и вместе с тем извинять Россию, которая, говорил я, совсем не безучастно смотрит на их судьбу, но в качестве великой державы, ведущей мировую политику, не может не принимать во внимание общего хода дел и без особенно благоприятных обстоятельств поднять галицийский вопрос так, как этого требуют и их, и наши государственные и национальные интересы. Я уже хорошо познакомился с профессором Я.Ф.Головацким, каноником Петрушевичем, представителями местной учености, с редакцией журнала «Слова», издававшегося Б.И.Девичким, побывал в «Народном Доме», т.е. в клубе русского общества, слушал в нем оперу «Наталка Полтавка»¹⁷, посетил даже одно страховое общество, которым заведовал один из местных русских, и, наконец, уже взял билет для отъезда в дилижансе на следующий день, как был приглашен в полицию для объяснений цели и продолжительности своего пребывания во Львове, но успокоил ее тем, что мог показать свой билет для отъезда в Черновицы. Между тем во Львов приехал мой университетский товарищ П.Н.Полевой, следуя тем же путем в Одессу. Я свел его к своим новым знакомым, к которым у него были письма из Петербурга, и уехал в Черновицы, обещаясь дождаться там его, чтобы ехать вместе с ним на почтовых от русской границы. Мой будущий спутник не заставил себя ждать более суток, и мы, переехавши в комфортабельном экипаже из Черновиц в Новоселицу, понеслись на почтовых по Бессарабии сломя голову в Одессу, желая прибыть туда накануне открытия университета. И, действительно, приехали вовремя, хотя и не без приключений, без которых редко обходилась в то время езда на почтовых, особенно в такой малокультурной местности, какова Бессарабия.

В самый день приезда (30-го апреля) мы побывали у попечителя А.А.Арцимовича¹⁸, с которым я имел случай познакомиться за год до того в Берлине, во время его кратковременной командировки за границу, и затем виделся в Петербурге незадолго до

---

¹⁷ Опера И.П.Котляревского; впервые была поставлена в Полтавском театре в 1819 г.

¹⁸ Имеется в виду попечитель Одесского учебного округа — учебно-административного подразделения дореволюционной России, занимавшегося управлением расположенными в его пределах низшими, средними и высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения. Возглавлявший учебный округ попечитель являлся полномочным представителем министерства и непосредственным начальником подконтрольных ему учебных заведений, включая и университеты.

нашего отъезда в Одессу. Остальное время дня мы посвятили частью на отдых, а частью на некоторое ознакомление с городом, который хотя и показался с виду довольно богатым, но мало располагал к себе признаками своего неблагоустройства. Одесса, теперь довольно красивый и прекрасно вымощенный город, девятнадцать лет назад представляла собой непролазную грязь после каждого дождя и неимоверную пыль, когда было сухо. На этот раз в городе было довольно грязно по причине бывшего ночью дождя, который порядочно-таки потрепал нас в дороге. Но эта грязь была ничто в сравнении с тою, с какою нам пришлось вскоре познакомиться, о пыли же мы пока еще не имели никакого представления. Тем не менее, первая прогулка по Одессе невольно поставила перед нами вопрос: можно ли жить в этом городе нам, петербуржцам? Я решал вопрос скорее отрицательно, Полевой — скорее положительно. Будущее показало, что я был больше прав: Полевой выехал из Одессы через два года, а я через два с половиной. Однако жизнь в Одессе я никак не могу причислить к неприятным моментам моего существования. Она была ни скучна, ни особенно весела, но так как здесь были первые мои шаги на профессорском поприще, то она мне очень памятна и, во всяком случае, возбуждает гораздо более приятных, чем неприятных воспоминаний. Я даже пустил в почву этого города некоторые корни и, выехавши из него, долгое время считал себя полу-одесситом.

Помню живо, как мы вошли в первый раз в университет в качестве участников празднества его открытия. Вошли мы никому неведомые. Другие петербуржцы не успели к этому дню, а прежних лицейских профессоров, как и тех, которые явились из провинциальных университетов, мы никого не знали. Вошедши в актовую залу, мы заняли места, назначенные для преподавателей. Единственного знакомого нам человека, попечителя, еще не было. Между тем являются бывшие лицейские власти, до последнего момента еще не слагавшие своих должностей, и инспектор лицейских студентов, г. Юргевич, просит нас оставить занятые нами места, так как они предназначены для преподавательского персонала. Мы улыбнулись, но продолжали сидеть. Юргевич настаивал, но в это время исправлявший должность директора лицея г. Богдановский останавливает его замечанием, что, вероятно, он видит перед собой приезжих профессоров. Тогда мы отрекомендовались и познакомились с новыми товарищами. Наконец, явился и попечитель и познакомил нас с другими, между прочим, и с новым ректором,

И.Дм.Соколовым, бывшим профессором математики в Харьковском университете. Явилась княгиня Воронцова, вдова знаменитого генерал-губернатора. Попечитель и некоторые местные профессора, обращаясь к ней, оказывали знаки глубокого почтения, которого эта умная и добрая женщина вполне, впрочем, заслуживала. Начался акт открытия университета. Он прошел чисто официальным порядком. Не было ни речей, ни чего-либо другого, похожего на празднество по поводу события, очень важного не только для города, но и для целого края, даже для целой России, обогатившейся новым университетом. Я послал телеграмму в «С.-Петербургские ведомости», как это условлено было между мною и Коршем.

Стали мало-помалу собираться и назначенные в новый университет профессора, не поспевшие к его открытию, и началась организация университета. Нужно было устраивать лаборатории, кабинеты, пополнять доставшуюся нам в наследство лицейскую библиотеку; на все это была отпущена специальная сумма. Других занятий по университету не было, так как не было ни студентов, ни, следовательно, экзаменов, обыкновенно происходящих в мае. Время приближалось к каникулам. Некоторые из приехавших снова уехали. Меня пригласили поселиться на лицейской даче, на так называемом Малом Фонтане, куда переехал из города ректор и некоторые чиновники университета. Там я и провел лето, не имея другого развлечения, кроме никогда не надоедавшего вида на море, на его вечные волны, то тихие, то бурные, и нередко, при виде постоянно выступающих из-под горизонта судов с натянутыми парусами, уносясь воображением в те далекие времена, когда на этих самых берегах кипела жизнь торговых эллинских колоний, жизнь людей иной, но роскошной культуры, каждый след которой представляет теперь для нас предмет высокого, увлекающего интереса.

К началу учебного года, во второй половине августа, профессорский персонал был на лицо уже в полном своем составе, на сколько он мог образоваться в меру свободных научных сил, какими тогда могла располагать Россия. Состав этот не был слишком блестящ, особенно при участии в нем значительного лицейского элемента; но он был, говоря вообще, никак не ниже того, каким располагает Новороссийский университет после почти двадцатилетнего своего существования. Лучше всех был сформирован физико-математический факультет. В нем были, бесспорно, крупные люди: химик Н.Н.Соколов, ботаник Л.О.Ценковский, математик И.Дм.Соколов (ректор); между

доцентами его, подававшими надежды и людьми не безызвестными, были ботаник Янович, химик Абашев, к которым вскоре присоединился и приобретший потом большую известность Мечников. Не был плох на первый раз и историко-филологический факультет. В нем были наиболее крупными учеными силами В.И.Григорович и академик П.С.Биллярский, первый — знаменитый славист, второй — известный исследователь по церковнославянскому и русскому языкам; хуже всего в нем была представлена история, пока кафедры всеобщей истории не занял профессор Брикнер, потом, впрочем, переехавший в Дерпт. Юридический факультет был положительно слаб, несмотря на то, что в состав его входил старик А.В.Куницын, из так называемых питомцев Сперанского, взявший на себя чтение римского права, и доценты Леонтович и Вольский, из которых первый уже заявил себя до этого времени дельными работами по истории русского права («Литовский статут»¹⁹), а последний большим трудом по политической экономии («Об обработке земли крестьянами собственниками»²⁰). Повторяю, университет не был в начале своего существования богат учеными силами, но не был и слабее других провинциальных университетов. Во всяком случае, он начал свою деятельность при общем сочувствии города и с надеждами на блестящую будущность, до сих пор, правда, мало оправдавшимися.

Но, Боже мой, как мало из тех, кому было суждено быть первыми деятелями Новороссийского университета, осталось в живых! Умерли не только старики, как Лапшин и Куницын, не только люди, явившиеся в него уже пожилыми, как Биллярский, Григорович, ректор Соколов, Маркузен (физиолог), умерли люди, начавшие в нем свою деятельность в цвете лет, как Соколов (химик), Янович (ботаник), Власьев (юрист), Смирнов (историк), или даже еще совсем молодыми, как Абашев (химик), Вольский (экономист). Не знаю, жив ли Струве, читавший греческий язык, впоследствии директор или старший наставник гимназии при петербургском филологическом институте²¹.

¹⁹ *Леонтович Ф.И.* Древнее хорватско-делапатское законодательство. Одесса, 1868.

²⁰ *Вольский М.М.* Рабская обработка земли. Одесса, 1869.

²¹ Петербургский историко-филологический институт основан в 1867 г. в связи с коренной реорганизацией гимназий (устав 1864 г.), одной из буржуазных реформ после отмены крепостного права. Он же волей министра народного просвещения Д.А.Толстого был превращен в оплот «классицизма» после осуществления в 1871 г. гимназической

Несомненно, живы остались я с Полевым, Ценковский, давным-давно покинувшие Одессу, три профессора из лицейских (гг. Богдановский, Юргевич и Карастелев), не покидавшие этого города, да профессор Леонтович, питомец киевского университета. Судя по некоторым данным, жив и г. Палимпсестов, читавший некоторое время по открытии университета сельское хозяйство. Видно, однако, что ни климат Одессы, ни условия тамошней университетской жизни не благоприятствуют здоровью людей науки.

Климат Одессы, подверженной господству северо-восточного и восточного ветров, есть климат сухой, несмотря на приморское положение города, и подвержен необыкновенно резким переменам. Поэтому смертность в этом городе чрезвычайно велика, составляя, по обнародованным в 1865 году (Труды одесского статистического комитета) исследованиям д-ра Финкеля, 45,5 человек на тысячу жителей в год, то есть такую смертность, при которой один умерший приходится на 23,3 жителя, так что нынешняя смертность Петербурга, где умирает 32,1 человек на тысячу, должна считаться, по отношению к одесской, в высшей степени благоприятною. Понятно, что посылка некоторыми

контрреформы. Готовил в первую очередь гимназических учителей-классиков (преподавателей латинского и древнегреческого языков), которых не хватало столь остро, что ведомству просвещения приходилось прибегать к услугам учителей, приглашаемых из славянских провинций, входивших в состав Австро-Венгрии. Профессор Н.И.Кареев вспоминал: «Самыми ревностными блюстителями министерских предписаний были выписанные из-за границы славянские братушки, плохо знавшие русский язык» (*Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 137). Институт также готовил учителей русского языка, словесности, истории, географии для гимназий Министерства народного просвещения и средних учебных заведений прочих ведомств. Последние содержали там своих стипендиатов. Предполагалось рекрутировать из выпускников института будущих администраторов — адептов классической системы образования. До начала XX в. Историко-филологический институт был закрытым учебным заведением, студенты которого проживали в общежитии на полном казенном содержании. Однако из-за постоянного недостатка учащихся из выпускников классических гимназий и философских классов духовных семинарий был разрешен прием и «своекоштных» (приходящих) студентов по ежегодно устанавливаемым квотам. Институт не пользовался популярностью среди гимназистов из-за их стойкой неприязни к классическим языкам, а также и по причине строгости внутреннего распорядка, господствовавшего в нем. (См.: *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 38–41).

петербургскими докторами больных в Одессу никогда не дает хороших результатов. Первой жертвой этого недоразумения пал на моих глазах профессор-академик Билярский. Рослый и, по-видимому, здорового сложения мужчина, страдавший в Петербурге грудным катаром, с которым он мог прожить еще много лет, он переехал в Одессу прямо в надежде на поправление здоровья, но стал таять там до того быстро, что через год мы его уже хоронили. На меня лично одесский климат действовал так дурно, что я, не доверяя помощи местных врачей, через два года счел уже нужным съездить в Вену посоветоваться с знаменитым Шкодой и, чувствуя сильный упадок сил, стал серьезно опасаться за свою жизнь. Но стоило мне переехать из Одессы в Казань, как я немедленно стал поправляться самым очевидным образом. Особенно губительно одесский климат действовал на нервы приезжих профессоров. Янович через три года сошел с ума и был отвезен в Петербург в лечебницу Штейна, где я один раз навестил его, и вскоре умер. Очень близкий мне человек Мих. Март. Вольский, отличавшийся, казалось, железным здоровьем и обладавший особенно крепким желудком, дошел до крайнего нервного расстройства и тоже умер в помешательстве, в больнице для умалишенных в Петербурге. Два другие профессора, расположением которых я дорожил и которых всегда ценил, химики Н.Н.Соколов и Дм.Н.Абашев, также страдали сильнейшим нервным расстройством. Первый из них, под влиянием склонности к раздражению, был доведен до весьма неприятного столкновения с Вольским и должен был оставить Одессу (умер в Петербурге); второй не захотел покинуть города, сделавшегося ему ненавистным, но сделался мизантропом, вел несколько лет странный и до крайности уединенный образ жизни и преждевременно умер, переживши, впрочем, и Вольского, своего приятеля, и химика Соколова, своего недруга.

Неблагоприятное климатическое влияние Одессы на приезжих профессоров, особенно отражавшееся на нервном расстройстве, без сомнения играло немаловажную роль в тех недружелюбных отношениях между ними, которые начались почти с первых же дней по сформировании университета и скоро дошли до весьма напряженной степени. В то время, когда я уезжал из Одессы (в ноябре 1867 года), отношения между разными группами преподавательского персонала были уже значительно натянуты; уже и тогда взаимная вражда, особенно на физико-математическом факультете, имела несколько случаев довольно резкого обнаружения. По своему тогдашнему положению — по-

ложению доцента, т.е. лица, не участвующего в заседаниях совета, я не мог возбудить против себя особенно сильной вражды в ком бы то ни было, но все-таки оставлял Одессу, как город, в котором не очень легко живется в университетском мире. Однако те неприятности и столкновения, свидетелем которых мне довелось быть, были цветочками в сравнении с теми, какие проявились впоследствии. Едва прошел год или полтора после моего выезда, как одесский университет стали покидать один за другим его лучшие члены. Принуждены были уйти оба Соколовы (ректор и химик), Ценковский, Маркузен, Григорович, покинули университет и позже прибывшие в него Брикнер, Сеченов и др., стали уходить даже и такие люди, как Струве, как, наконец, Цитович, сожалеть о выезде которых университету не было большого основания. Вообще, Одесскому университету как-то не повезло с самого начала и не повезет до настоящей минуты. То смерть безжалостно косила его преподавателей, то они покидали его, не видя возможности спокойного существования. Я никогда не прерывал вполне связей с Одессой и знаю, как мало и теперь сладости в тамошней университетской жизни. Недавний выход из Одесского университета нескольких профессоров избавляет меня от необходимости приводить тому доказательства²².

Впрочем, моя речь не о настоящем, а о прошедшем. А от этого прошедшего остались и приятные воспоминания. И прежде всего, приятно остановиться на людях, украшавших собой то учреждение, в котором мне приходилось действовать в качестве их младшего товарища. Такими людьми из умерших теперь (о живых говорить неудобно) были: Виктор Иванович Григорович и Николай Николаевич (Парамонович тож) Соколов.

Из славного триумвирата русских славистов, сошедших теперь в могилу, Срезневского, Григоровича и Бодянского, я знал лично двух первых. При всем уважении к памяти моего бывшего

---

²² Скорее всего, имеется в виду отставка в середине 1882 г. профессоров И.И.Мечникова, А.С.Постникова и В.В.Преображенского из-за создавшейся вокруг них нетерпимой обстановки. Как предполагала Г.И.Щетинина, преследования этих профессоров были инспирированы «сверху». В этом, в частности, ее убеждает письмо попечителя Одесского учебного округа Н.А.Лавровского министру народного просвещения И.Д.Десянову от 7 июля 1882 г. В нем тот писал: «...Во главе, хотя часто и искусно прикрытой, всех волнений студентов, равно и всех столкновений, бурных сцен, раздоров и не порядков в советских заседаниях являлся г. Мечников». (См.: *Щетинина Г.И.* Указ. соч. С. 172.)

учителя, И.И.Срезневского, я не поколеблюсь поставить выше его Григоровича. И тот и другой были люди большой учености, и оба были способны своим умом и сердцем возбуждать к себе глубокую привязанность, но память Григоровича, с которым я был гораздо меньше близок, чем со Срезневским, для меня священнее. Ученость Григоровича была поразительная: она поражала не только в его специальной области, но и во многих других. Со Срезневским можно было не только спорить, но и выходить из спора победителем, с Григоровичем никогда. С ним было даже страшно говорить о науке, несмотря на всю его младенческую строгость и самую утонченную вежливость. Касалось ли дело филологии, этнографии, географии, истории, везде он обнаруживал подавляющую массу самых разнообразных и мелочных сведений. Всецело преданный науке, только одной науке, он в каждый данный момент, по какому угодно предмету, преподающемуся в историко-филологическом факультете, буквально засыпал своего собеседника данными, даже относившимися к специальной области последнего. Писал он не много, но все, что он написал, было драгоценно и собиралось его многочисленными учениками, как реликвии. Мне не раз приходилось расставаться с его статьями, печатавшимися иногда в самых малоизвестных изданиях, чтобы удовлетворить усиленной просьбе того или другого из прежних учеников его. Действие его на слушателей даже в последнюю пору было самое сильное: все его ближайшие слушатели, то есть, люди, избравшие славянские наречия своей специальностью, любили его до страсти, до обожания. Он не только увлекал их своей восторженной преданностью к науке, но и учил их с таким мастерством, так скоро ставил их на ноги в своей области, что едва ли какой-либо другой русский профессор мог указать на такую живительную и непосредственную плодотворность своей преподавательской деятельности. Таков был Григорович как ученый и профессор; таков он был в Казани, таков он был в Одессе. И там и здесь он составлял истинную гордость университета и был бы гордостью всякого ученого учреждения, какой угодно академии.

Но этот славный русский ученый был скромен до убожества, скажу даже, до смешного. Он не только никогда не говорил о своих трудах, но и умалил себя как нельзя более пред всяким, кто сделал что-нибудь в его области. Этому скромностию пользовались его собратья по науке, злоупотребляли ею и просто обижали несчастного. О Григоровиче громко говорили во всем западном и южном славянском мире, но в России, вне мест его

жительства, о нем говорили мало и даже старались забывать о нем. Можно было заметить, что покойник в глубине души чувствовал эту несправедливость, но выражался он о своих соперниках не иначе, как тоном глубокого почтения, и старался выставлять их заслуги пред наукой в самом ярком и в самом выгодном свете. Вместе со своею скромностью Григорович соединял идеальное бескорыстие, редкую готовность помочь в нужде всякому, даже самому недостойному человеку. Он вел самый непритязательный образ жизни, отказывал себе в самом необходимом комфорте, заходя в этом отношении даже за границы благоразумия, но отказать человеку, нуждающемуся в том, что он мог уделить из последних грошей, для него было дело невозможное. Честолюбие ему было совершенно чуждо. Ничего он не искал, ни у кого не заискивал для получения какого бы то ни было материального блага, и устранял себя всеми мерами от всего, что давало ему почет перед другими или лишнюю материальную выгоду. Тем не менее, наш факультет, если не ошибаюсь, единогласно выбрал его в деканы, как самого достойного своего сочлена. Но как администратор Виктор Иванович не обладал большими дарованиями. Он не был создан управлять чем бы то ни было, и ступшевался в своей роли предводителя факультета больше, чем этого требовала польза последнего. Но благородство его характера, чувство полной справедливости, постоянное стремление оказать содействие всякому доброму делу или намерению производили то, что в нашем факультете интрига была бессильна замутить взаимные отношения, и во все время моего пребывания в Одесском университете товарищеские отношения одного члена к другому не были ни разу нарушены, по крайней мере во внешних проявлениях.

Как Григорович был центром тяжести историко-филологического факультета, так Н.Н.Соколов был центром тяжести физико-математического факультета. Не мое дело судить об учености химика: я могу только сказать, что как в Петербурге, так и в Одессе его считали знатоком своей науки и мастером в преподавании. К этому могу прибавить, что у него была огромная для частного лица библиотека (тысяч семь или больше томов) и что он занимался своей наукой не только с постоянством, но и со страстью, с увлечением. Преподавая в Петербургском университете, он, чтоб пользоваться большею независимостью в занятиях, устроил для себя на свой счет особую лабораторию. Отчасти ученая авторитетность, отчасти широкое образование, какое редко встречается в русском натуралисте, но еще более того

стойкость убеждений, сильный характер и нравственная строгость делали его лицом, которому в факультете не было равного по значению. Потому-то, когда началась организация факультетов в новом университете, о выборе кого-нибудь другого в деканы физико-математического факультета не могло быть и речи. Соперником ему мог быть только его друг и университетский товарищ, известный ботаник Л.С.Ценковский, но тот отстранял от себя всякую мысль об этой конкуренции и прямо отказывался от административных должностей в университете. Таким образом, Соколов был избран деканом, и вместе с тем физико-математический факультет с первого же раза занял в университете господствующее положение. Всякое дело в факультете, на стороне которого стоял его энергический декан, считалось заранее выигранным. Даже вскоре начавшаяся вражда между деканом и ректором, смертельно друг друга ненавидевших, не поколебала значения первого ни в факультете, ни в совете. Ректорская партия была и меньше числом, и слабее по нравственному и ученому значению своих членов; все, более сильное, энергическое, независимое, сочувствовало Н.Н.Соколову. В злобе своей на своего противника И.Дм.Соколов (ректор) дошел до того, что велел в бумагах называть его официально не Николаем Николаевичем, как Соколов всегда назывался и писался, а Николаем Парамоновичем, что более соответствовало формальному акту о рождении Соколова. Я не принадлежал к числу лиц, враждебно относившихся к ректору, и даже относился к нему с уважением, которого он в некоторой степени и заслуживал, но мне было странно в столь умном и почтенном человеке видеть мелочность, не отказывавшуюся искать средств к нанесению обиды врагу в некоторых особенных обстоятельствах его рождения или крещения. Оба Соколова давно уже покоятся в могиле, и потому ничто не мешает произнести беспристрастный приговор о каждом из них. Беспристрастный же приговор будет тот, что если по уму противники и были равны или близки друг к другу, то по высоте нравственного характера это были величины малосоизмеримые. Н.Н.Соколов был сама честность, гуманность и справедливость, тогда как к И.Дм.Соколову нельзя было бы ни в каком случае приложить вполне ни того, ни другого, ни третьего качества. Этот последний мог сближаться с людьми самыми неопрятными в нравственном отношении, несмотря на свою природную доброту, был способен топтать в грязь всякого своего противника и обнаруживал крайнее пристрастие в суждениях, когда дело касалось

лиц, ему преданных или враждебных. Как можно сравнивать его с Н.Н.Соколовым, с лицом, к которому, несмотря на его крайнюю нервность, нельзя было не почувствовать глубокой симпатии, и которое, особенно на молодых людей, производило обаятельное действие! У Н.Н.Соколова, как и у всякого стойкого и с независимым характером человека, было много врагов в жизни, но мне его имя всегда будет представляться светлым и заслуживающим самой доброй памяти.

Таковы были два наиболее видных представителя нового университета в первое время, и я всякий раз обращаюсь к ним с мыслью, когда думаю о лучших силах и лучших людях, ознаменовавших собою начальный период университетской жизни в Одессе. Вообще об этой жизни трудно сказать что-либо определенное и характеристическое. Лица, сошедшие из разных мест, внесшие из прежних мест своего воспитания или преподавания разные традиции, не могли слиться ни в каком общем стремлении, кроме, быть может, стремления видеть новый университет пришедшим со временем к наибольшему процветанию. Вообще же говоря, царствовала большая разногласица во всем, что касалось отношений преподавательского персонала к попечителю, к студентам, к городу. Устроенные ректором еженедельные собрания у себя на дому, где охотно принимались все профессора и преподаватели университета с семьями, объединили несколько лишь небольшой кружок лиц, составивших ректорскую партию; приемные вечера у попечителя посещались мало и обыкновенно лицами, не желавшими стоять близко к ректору; с городским обществом входили в знакомство почти исключительно молодые профессора и доценты, игравшие роль женихов, или считавшиеся такими. Наиболее резко отличавшийся от других тип представляли бывшие лицейские профессора. Привыкшие к другим отношениям к начальству, чем какие обычны у профессоров университета, они не могли, как следует, войти в новую роль членов автономически управляющегося университета и, любя искать поддержки своим желаниям или домогательствам на стороне, нередко проявляли весьма некрасивый дух интриги и тем портили отношения университета к попечителю. В интриге этой некоторые из них заходили дальше пределов, полагаемых самыми простыми правилами нравственности и приличия, и поведение этих людей составляет, быть может, наиболее мрачную сторону моих воспоминаний об Одессе. Находились между этого рода профессорами такие, которые вмешивались даже в семейные дела других и считали для себя удовольствием их расстраивать.

Словом, лицейский элемент в новом университете был, как мне (и не одному мне) казалось еще тогда, дурной закваской, которая не переставала давать себя чувствовать ему до самого последнего времени и чувствуется, по-видимому, даже и по сию минуту. Необходимо принять и то во внимание, что большая часть переданных университету лицем профессоров была ниже своего нового положения, и интересы науки ей были совершенно чужды. А как только в университетских корпорациях заводится элемент, смотрящий на профессию лишь как на служебную карьеру, расторопство университетских дел неизбежно, и в таком университете напрасно было бы ждать мира и согласия. Жертвами возникающих замешательств и раздоров обыкновенно бывают люди, преданные науке и наиболее дорогие для университета: они не выдерживают этого духа грязной интриги, старающейся проникнуть во все университетские отношения, и покидают университет, а интриганы остаются и торжествуют. Одесский университет знает это, быть может, более чем всякий другой, за исключением, быть может, Киевского.

Моя роль в Одесском университете, как я уже замечал раньше, была очень незначительная. Я занимал там должность доцента, следовательно, не был членом совета, да и летами был едва ли не всех моложе. Поэтому каких-нибудь выдающихся обстоятельств, хотя бы столкновений, в тамошней моей жизни быть не могло, если исключить один диспут на юридическом факультете, в котором мне, филологу, пришлось принять живое участие. Обстоятельство это настолько характерно для первоначальной истории Новороссийского университета, что я решаюсь рассказать его.

Легко понять, что кафедры в новом университете не могли быть заняты сразу, когда вакантных кафедр достаточно было и в старых университетах. Но так как естественно было предполагать, что занять место в новом университете легче, чем в старом, то в Одесский университет стали являться такие охотники до преподавания, которые не вдруг бы осмелились предложить себя какому-нибудь старому университету. К числу таких претендентов на профессорское звание в новом университете принадлежал некто П-ф, доктор прав Лейпцигского университета, но бывший, кажется, уроженцем нашего Прибалтийского края²³. Он думал начать свою ученую карьеру в России выдержанием экзамена на магистра в одном из русских универси-

---

²³ Имеется в виду Владимир Пфаф.

тетов, но так как с этим экзаменом он потерпел неудачу уже в трех университетах, то ему пришла в голову мысль перестать до поры до времени думать о приобретении магистерской степени, а прямо начать читать лекции в качестве приват-доцента в Новороссийском университете. С этой целью он запасся в Петербурге разными сильными рекомендациями к новороссийскому генерал-губернатору, недавно умершему П.Е.Коцебу, а отчасти, кажется, и к попечителю учебного округа, и явился в Одессу. Но для получения права чтения в университете в качестве приват-доцента необходимо представить факультету диссертацию и защитить ее на публичном диспуте. П-ф напечатал в Одессе небольшую брошюрку по римскому праву и представил ее в юридический факультет в виде диссертации. Но юридический факультет в Одессе в это время (осенью 1865 г.) состоял пока из одних бывших лицейских профессоров, за исключением вошедшего в его состав киевского приват-доцента Ф.И.Леонтовича, впрочем, до переезда в Киев также читавшего лекции в Одесском Ришельевском лицее. Но важнее всего в данном случае было то, что в факультете не было ни одного специалиста по римскому праву, и потому диссертация П-фа была принята в факультет без затруднения.

Я не знал ничего ни о П-фе, ни о его диссертации, ни о решении юридического факультета, как вдруг в субботу вечером, накануне диспута, получил экземпляр этой диссертации с уведомлением о предстоящем на другой день диспуте. Мало интересуясь делами других факультетов, я сначала отложил было принесенную мне брошюру в сторону, едва пробежав ее заглавие, но, взявши спустя некоторое время ее в руки, тотчас заметил, что она трактует о вопросе, мне достаточно известном по римским древностям. Решившись прочитать из любопытства несколько строк, я скоро заметил, что автор диссертации имел в виду надуть факультет, не имевший специалиста, что диссертация его есть не что иное, как произведение грубейшего невежества, соединенного с крайнею недобросовестностью, что в ней не только бездна нелепостей, но еще нелепостей, подтверждаемых ложными цитатами. Первым моим движением после таких впечатлений было сейчас же отправиться к главному члену тогдашнего факультета А.М.Б-му (декана еще не было в одесском юридическом факультете, и обязанности его исполнял в то время ректор, математик) и сообщить ему о своих наблюдениях. Г-н Б-ий был, по-видимому, несколько озадачен тем, что ему было сообщено мною, но старался придать делу такой вид, что все это

пустяки, на которые не стоит обращать внимания. Но так как мне казалось, что принятие такой диссертации, феноменальной по своему невежеству и недобросовестности, было бы позором для университета, и что пропустить одобрение ее без протеста, по крайней мере, со стороны специалистов по римским древностям, было бы непозволительным равнодушием к интересам университета, то я заявил г. Б-ому, что я после разговора с ним считаю себя в необходимости возражать на диспуте, и дать диссертации надлежащую оценку. Возражать я думал только для очистки совести, никак не думая, что это поведет к немаловажным практическим последствиям. Но вышло иначе.

Перед диспутом П-ф сказал длинную речь, по содержанию своему большей частью совсем не относившуюся к предмету диссертации, так что, в конце концов, был остановлен ректором, напомнившим ему, что он говорит слишком долго и не к делу. Речь, таким образом, была закончена скорее, чем это было желательно диспутанту. Начались возражения. Сперва делал их покойный теперь профессор Власьев, затем профессор Богдановский, один профессор гражданского, а другой – уголовного права. Но возражения их были слабы и незначительны до последней степени. Каждый из них закончил свою речь похвалой достоинству диссертации и признанием того, что она удовлетворяет цели, для которой написана. Затем попросил слова г. Юргевич, профессор римской словесности, мой старший коллега по кафедре, и сделал несколько замечаний несущественного значения. Наконец, пришла и моя очередь. Но видя, что один в поле не воин, я уже потерял было охоту возражать, и думал ограничиться лишь несколькими словами, выражающими сомнение в достоинстве диссертации. Мне хотелось только одного, чтоб принятие ее не прошло без протеста и чтоб на диспуте было публично заявлено, что в новом университете есть люди, которые знают цену проделке доктора прав Лейпцигского университета. Но первый ответ П-фа до того поразил меня своим вызывающим характером, что решение ограничиться одним-двумя замечаниями у меня пропало мгновенно. Я начал свои возражения обращенным к П-фу вопросом: как он сам думает о своей диссертации, которую так снисходительно похвалили члены юридического факультета? Читает ли он ее имеющую какое-либо научное значение, или смотрит на нее, как на брошюрку, написанную по случаю, для известной цели, и ученого значения не имеющую? Доктор прав Лейпцигского университета без всякого колеба-

ния ответил, что он не только признает свою книгу имеющею ученое значение, но и такую, которая сто лет будет читаться в России. От такого неожиданного ответа у меня кровь бросилась в голову и я, едва сдерживая негодование, прямо сказал, что ввиду такого ответа, я заявляю, что его диссертация не стоит ровно ничего, и что я сейчас докажу это. Мне не стоило ни малейшего труда сделать для всех очевидным, что диссертация П-фа представляет собой не только верх невежества, но и поражает своей недобросовестностью и наглостью, рассчитанною на то, что в юридическом факультете нет людей, которые бы могли разоблачить всю эту недостойную махинацию. Считаю нужным при этом заметить, что тех возражений и разоблачений, какие я сделал на диспуте, я не ставлю себе буквально ни в какую ученую заслугу: их мог бы сделать всякий, даже хороший студент-филолог, прослушавший курс римских древностей. Метод моих возражений был такой: вы говорите то и то, но это неверно; вы приводите в подтверждение своих неправильных заявлений ссылки на такого-то и такого-то писателя, но у этих писателей в указанных местах нет ничего подобного. Зная, с кем я буду иметь дело, я из предосторожности захватил с собой целую охапку книг, именно латинских авторов, на которых ссылался П-ф для придания своей диссертации ученого характера, и когда он отрицал верность моего заявления, что у Гая, Ливия или Геллия нет ничего похожего на то, для чего он на них ссылается, то я развертывал книгу, прочитывал указанное место и затем подносил ему самую книгу для вящего вразумления. Сконфуженный П-ф начал, наконец, говорить мне дерзости, но был резко остановлен ректором, который без церемонии провозгласил: «Вы, милостивый государь, как видно, ничего не знаете, а между тем позволяете себе говорить дерзости оппоненту». Замечание это окончательно срезало П-фа. Я счел, наконец, дальнейшие возражения ненужными и кончил их, заметивши, что кончаю не потому, что мои возражения исчерпаны — вся книга у меня исписана по полям замечаниями о непрерывных проделках и грубых промахах, — а потому, что едва ли требуется какое-нибудь новое доказательство полной негодности диссертации. После меня стал говорить Полевой, выставляя диспутанту на вид неприличие и неблаговидность его манер защищаться. Результатом всего этого было то, что П-ф, несмотря на свои высокие рекомендации, не был удостоен звания приват-доцента, т.е. не был допущен

к чтению лекций в университете²⁴. Одесской публике, кажется, еще в первый раз присутствовавшей на университетском диспуте, такой исход его очень понравился (мне приходилось получать по этому случаю поздравления даже от незнакомых людей на улице); но были люди, которых недопущение П-фа в университет глубоко возмущало и которые не хотели простить мне непрошенного вмешательства в это дело. К числу этих людей принадлежали, по понятной причине, и некоторые члены юридического факультета, злону которых я чувствовал на себе несколько лет даже и по выезде из Одессы.

Участие в диспуте П-фа было самым крупным актом моей, так сказать, общественной деятельности в Одессе. В другом диспуте, в котором мне пришлось принять участие, — в докторском диспуте профессора Юргевича — роль моя была слабая. Диспут этот происходил на латинском языке. Первую роль взял на себя профессор Струве, который писал и рецензию на диссертацию; вторым возражателем хотел быть Григорович, и я должен был уступить ему свое место. На мою долю осталось не много возражений, тем более что диссертация была написана на очень специальную тему по греческой мифологии²⁵. Диспут по своему содержанию был одним из самых обыкновенных и для нового университета имел лишь то значение, что происходил на непонятном для присутствующих языке и показал одесской публике, что и в наше время можно воскресить предания былых времен, когда наука говорила языком, недоступным для профанов, и не заботилась о посвящении их в ее таинства.

Гораздо интереснее для городской публики был докторский диспут доцента по кафедре ботаники, Яновича²⁶, на котором, быть может, в первый раз в русском университете встретились

---

²⁴ В резюме по итогам диспута профессорской коллегии юридического факультета, зафиксированном в протоколе ее заседания от 1 марта 1866 г., в частности, читаем: «Соображая все обстоятельства диспута, сюда относящиеся, факультет пришел к единогласному выводу, что кандидат Владимир Пфаф, ни по способу изложения, ни по полемическим приемам, ни по возражениям, которыми он защищался, не может быть признан достойным звания приват-доцента при Новороссийском университете и решил, не требуя от г. Пфафа чтения пробной лекции, в прошении ему отказать» (*Маркевич А.И.* 25-летие Императорского Новороссийского университета. Одесса. 1890. С. 498).

²⁵ *Юргевич В.Н.* De Iovis Lecaei natura cognominisque hujus ratione commentatio. Одесса, 1867.

²⁶ *Янович А.О.* О развитии перитециев у Pleospora herbarumgul. Одесса, 1866.

публично защитники и противники теории Дарвина о происхождении видов. Но на этом диспуте я был лишь одним из публики, хотя, быть может, и больше многих интересовался выражениями профессора Маркузена, упорно оспаривавшего незыблемость Дарвиновой теории постепенного превращения одного вида в другой, теории, признававшейся в то время, по крайней мере, в России, за аксиому. Ход этого диспута я тогда же вкратце описал в письме в «С.-Петербургские Ведомости», корреспондентом которых состоял все время своего пребывания в Одессе.

Написанные строки могут дать хотя бы некоторое понятие о первых шагах нового русского университета, равно как и вообще о его внутреннем состоянии в первоначальный период его жизни и деятельности. Если эти краткие воспоминания сохранят для последующего времени какую-либо черту, относящуюся к истории нашего просвещения и не отмеченную другими, то цель их будет достигнута.